
**АД АДУ РОЗНЬ, ИЛИ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ»
А. СОЛЖЕНИЦЫНА, В. ШАЛАМОВА И С. ДОВЛАТОВА**

ИАНА АЗАРОВА

Понятие «лагерная тема» впервые было выдвинуто В. Т. Шаламовым. В своем эссе «О прозе» он пишет: «Так называемая лагерная тема – это очень большая тема, на которой разместится сто таких писателей, как Солженицын, и пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно»¹. «Лагерная тема является многоплановым понятием, так как существует и лирика, и мемуары, и проза, соответствующие данной тематике. Но изначально появилось именно прилагательное *лагерная*, которым Шаламов обозначил проблематику художественной формы рассказа, базирующейся на лагерном жизненном опыте»².

В статье 1996 г. «Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50–80-х годов» О. В. Васильева за точку открытия темы берет рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Далее в ряд она ставит В. Шаламова, который «сознательно отталкивается» от предшественника. Исследователь считает повествования обоих авторов крайне схожими, лишь акцентируя различия угла зрения на лагерный опыт: В. Шаламов берет крайние, запредельные ситуации, а Солженицын – ««среднестатистический» лагерь политзаключенных». По мнению О. В. Васильевой, завершил лагерную тему Довлатов, «объединив и смешав все, что было связано с лагерем в реальном и художественном мире, в том числе и позиции своих предшественников»³.

Обратившись именно к этим произведениям, мы попытаемся показать, как проявляется в семантико-прагматическом аспекте различное отношение Солженицына, Шаламова и Довлатова к лагерю, рассмотрению лагеря как ада.

«Изображение лагерного мира как ада совпадает с традицией предшественников – писателей XIX века, однако авторы лагерной прозы второй поло-

¹ Шаламов В. Т. О прозе // Колымские рассказы. М., 2011, с. 14.

² Старикова Л. С. Культурный концепт «Социалистический труд» и его наполнение в лагерной прозе второй половины XX века (В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов) // «Вестник Кемеровского государственного университета», 2014, выпуск 1, том 2, с. 167.

³ См. об этом: Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Там же, 2015, № 2-4 (62), с. 170.

вины XX века, обогащенные опытом российской истории, пытаются расширить это толкование»⁴.

Если Солженицын ввел в общественное сознание представление о ранее табуированном, неведомом, то Шаламов привнес эмоционально-эстетическую насыщенность. Шаламов избрал для себя художественную установку «на грани» – изображение ада, аномалии, запредельности человеческого существования в лагере⁵.

По Довлатову: «Ад – это мы сами. Просто этого не замечаем». Он же утверждает: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. Между домушниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны. Между зеками-нарядчиками и чинами лагерной администрации. По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир» («Зона»).

Как отмечает И. Н. Сухих, «“Каторжная” литература существует несколько веков. Даже в молодой российской словесности эта тема представлена грандиозными образцами. Начиная с “Мертвого дома” и кончая “ГУЛА-Гом”. Плюс – Чехов, Шаламов, Синявский». По этой «шкале идейных представлений» узник изображался как фигура страдающая и трагическая, заслуживающая жалости и восхищения, а охранник – как жестокий злодей, нравственный монстр»⁶. Сухих характеризует авторов «лагерной» прозы как Вергилиев, а сам лагерь как ад, «мертвый дом».

Во всех рассматриваемых произведениях мы наблюдаем различное отношение к лагерям. Но есть и нечто, их объединяющее: для всех трех авторов лагерь – это ад. Однако авторы, писавшие «в общем, об одном и том же, в представлении о природе и возможностях человека оказываются на разных полюсах»⁷.

Солженицын абсолютно уверен, что человек, сохранивший в душе Бога, вынесет любые муки, преодолет, победит... Человека можно убить, но нельзя сломать – вот стержень, на котором держится здание «Архипелага...», книги, как ни странно, жизнеутверждающей⁸.

Шаламов же считает лагерь «отрицательным опытом для человека – с первого до последнего часа. Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря. Лагерь – отрицательный опыт, отрицательная школа, растление для всех – для начальников и заключенных, конвоиров и зрителей, прохожих и читателей беллетристики»⁹.

⁴ Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы XX века) // «Вестник Рязанского гос. университета им. С. А. Есенина», 2012, № 3 (40) // <http://cyberleninka.ru/article/n/posle-arhipelaga-poetika-lagernoy-prozy-kontsa-hh-veka>

⁵ См. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX-XX вв. Саранск, 2003 // <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-lagernoi-prozy-v-russkoi-literature-xix-xx-vv#ixzz41Ba1BBzy>

⁶ Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 2010, с. 94.

⁷ Там же, с. 97.

⁸ См. там же, с. 98.

⁹ Шаламов В. Т. Указ. соч., с. 9.

Если человек все-таки что-то сохранил в себе, значит, его просто мало били. Просветительское «среда заела» формируется у Шаламова в абсолютную, рабскую зависимость человека от тоталитарного целого. Потому шаламовские рассказы – это рассказы «с того света» человека, который так и не вырвался, не вернулся из ада¹⁰.

Солженицын прямо указывал, что тюрьма помогла ему обратиться к вере, «взрастить душу»: *«Все писатели, писавшие о тюрьме, но сами не сидевшие там, считали своим долгом выразить сочувствие к узникам, а тюрьму проклинать. Я – достаточно там посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно:*

– *БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТЕБЕ ТЮРЬМА, что ты была в моей жизни!*» («Архипелаг ГУЛАГ»)

Шаламов, наоборот, говорит о том, что в лагере растреление охватывает всех: и начальников, и заключенных. Солженицын спорил с ним в своем художественном исследовании, доказывая, что личность автора «Колымских рассказов» служит примером обратным, что сам Варлам Тихонович не стал ни стукачом, ни доносчиком, ни вором¹¹.

Шаламов подчеркивает, что главный критерий растреления человеческой души – власть: *«Власть – это растреление. Спущенный с цепи зверь, скрытый в душе человека, ищет жадного удовлетворения своей извечной человеческой сути в побоях, в убийствах»* («Термометр Гришки Логуна»).

Как справедливо отмечает Ю. В. Малова, в «Колымских рассказах» В.Шаламова в полной мере нашла свое отражение мысль Достоевского о задатках зверя, существующих в каждом человеке, об опасности опьянения властью, данной одному человеку над другим. Спокойным, сниженным тоном, который в данном случае является художественным приемом, писатель раскрывает нам, до чего могут довести «кровь и власть», как может низко пасть «венец творения» природы, Человек¹².

Довлатов занимает как бы промежуточную позицию. Он противопоставляет себя Солженицыну («Да и книги наши совершенно разные. Солженицын описывает политические лагеря. Я – уголовные. Солженицын был заключенным. Я – надзирателем. По Солженицыну лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами...»), но в то же время и Шаламову («Шаламов считает лагерный опыт – полностью негативным... Я немного знал Варлама Тихоновича... Это был поразительный человек. И все-таки я не согласен. Шаламов ненавидел тюрьму <...> Но есть красота и в лагерной жизни»).

Шаламов считал, что его проза – «не проза документа, а проза, выстраданная как документ»¹³, «я летописец собственной души. Не более», «весь

¹⁰ См. Сухих И. Н., с. 98.

¹¹ Малова Ю.В. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Шаламов В. Т. Указ. соч., с. 18.

«ад» и «рай» в душе писателя». Довлатов развивает эту мысль дальше, считая, что ад и рай заключены в душе любого человека: *«Человек человеку как бы это получше выразиться – табула раса. Иначе говоря – всё, что угодно. В зависимости от стечения обстоятельств.*

Человек способен на все – дурное и хорошее.

Мне грустно, что это так.

Поэтому дай нам Бог стойкости и мужества.

А ещё лучше – обстоятельств времени и места, располагающих к добру» («Зона»).

По Довлатову, зло произвольно, оно «определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением обстоятельств. И даже – плохим эстетическим вкусом» («Зона»).

Как видим, Довлатов противопоставляет себя сразу обоим авторам: если и Солженицын, и Шаламов выступали в качестве Вергилиев, в их произведениях писатель как бы выходит из ада и рассказывает о случившемся («не Орфей, спустившийся в ад, а Плутон, поднявшийся из ада»¹⁴), то Довлатов считает, что писателю не нужно ни подниматься, ни спускаться в ад, ибо зачастую ад – это сама жизнь, писатель, как и все остальные, живет в этом аду, разница заключается не между писателем и остальными людьми, а между людьми, сделавшими выбор между адом и раем в собственной душе: «Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранялись обычные жизненные пропорции. Соотношение добра и зла, горя и радости — оставалось неизменным» («Зона»).

Таким образом, несмотря на общее для всех трех авторов отношение к лагерю как аду, имеются и различия в осмыслении писателями лагерного опыта, «виновники» ада у каждого писателя – свои. У Солженицына и Шаламова «виновник» ада – система, политическая, тоталитарная, у Довлатова – система душевного устройства человека. Довлатов, в отличие от своих предшественников, считает, что политическая система ни при чем, все дело в самом человеке, в его душе.

Рассмотрим подробнее, как эти идеи отразились в языке произведений. Начнем с того, что в лагерном пространстве Солженицына все предельно ясно и предсказуемо. Об этом говорит прежде всего частое употребление глагола «знать». Ср.:

*Но отпроситься у Татарина было нельзя, он **знал**.*

*Ты же **знаешь**, что утром приёма нет?*

*Всё это Шухов **знал**. **Знал**, что и вечером освободиться не проще.*

*Это уж их устав, старые арестанты **знают**.*

Подобные конструкции встречаются и у Шаламова:

*Голодный и злой, я **знал**, что ничто в мире не заставит меня покончить с собой.*

¹⁴ Там же, с. 13.

Мы знали, что такое научно обоснованные нормы питания, что такое таблица замены продуктов, по которой выходило, что ведро воды заменяет по калорийности сто граммов масла.

Мы знали, что значит этот второй выстрел. Знал это и Серошапка. В выстрелов должно быть два — первый бывает предупредительный.

Все настолько определено и предопределено, что отрицательные конструкции с глаголом «знать» встречаются у Солженицына и Шаламова довольно редко, при этом – что характерно – им сопутствует частица «еще»:

Это ты, брат, ещё не знаешь (Солженицын).

Когда нас, ещё не знавших друг друга, вызвали из бараков по списку и до ставили пред его светлые и проницательные очи, он остался весьма доволен опросом (Шаламов).

Как мы отмечали, в произведениях Солженицына и Шаламова лагерь поразному влияет на людей (в первом случае – закаляет человека, делает его сильнее, во втором – действует на него разрушительно), однако в лагерях у обоих авторов все ясно, понятно, законы «ада» известны всем, если не сразу, то позже - обязательно.

Что же касается довлатовской «Зоны», то в ней как раз чаще всего встречаются отрицательные конструкции с глаголом «знать»: тем самым автор как бы подчеркивает непонятность, непредсказуемость и абсурдность лагерного пространства:

— Я ее знаю?

— Нет. Я сам ее почти не знаю. Ты не много потерял...;

Звали ее Изольда Щукина. Хотя Макеев и этого не знал. Собственно, он ее даже не видел;

— Не знаю, как быть, Феликс Эдмундович... Поalinkа моя совсем одичала.

Та же ситуация и со словами «понимать/понять». В «Зоне» Довлатова формы этих глаголов встречаются преимущественно с отрицанием («— А что это за представление? Зек не понял»), в вопросах («Надеюсь, ты понял, что значит вохра?!...»), в условном наклонении, с частицей «бы» («Мы бы все поняли и рассмеялись»). В зоне Довлатова все неопределенно, не всегда ясно, если там и понимают, что происходит, то всегда вдруг, внезапно:

Неожиданно Алиханов понял, что думает о женицине с высылки. Вернее, старается не думать об этой женицине.

И вдруг я понял, что рад этому зеку, который хотел меня убить. Что я постоянно думал о нем.

Совсем иную картину мы наблюдаем в рассказах Солженицына и Шаламова. У Солженицына формы этих глаголов встречаются 27 раз, из них всего одна вопросительная конструкция («Не нагреем – померзнем, как собаки, поняли?») и 4 – отрицательные («Да чего объяснять, если человек не понимает!»). Причем отрицательные конструкции связаны с непониманием того, что происходит на воле:

Вот этого-то Шухову и не понять никак: живут дома, а работают на стороне. Видел Шухов жизнь одиночную, видел колхозную, но чтобы мужики в своей же деревне не работали – этого он не может принять.

Здесь, в отличие от довлатовской зоны, все понимают сразу:

С этим много не поговоришь, да с ним и говорить незачем: он всех умней, без слов понимает.

У Шаламова формы этих глаголов встречаются 79 раз. Из них всего 4 – в вопросах, 5 – в отрицательных конструкциях. Если у Солженицына, судя по этим данным, в лагере все понятно сразу и без слов, то у Шаламова все, так сказать, направлено к пониманию:

И чем сильнее я вспоминал свое детство, тем яснее понимал, что детство мое не повторится, что я не встречу и тени его в чужой ребяческой тетради.

Именно в это время я стал понимать суть великого инстинкта жизни – того самого качества, которым наделен в высшей степени человек.

Я начал кое-что понимать.

Особенно интересен следующий пример:

Человек, которой невнимательно режет селедки на порции, не всегда понимает (или просто забыл), что десять граммов больше или меньше – десять граммов, кажущихся десять граммов на глаз, – могут привести к драме, к кровавой драме, может быть.

Автор заменяет «не понимает» на «забыл», тем самым как бы находя оправдание непониманию – «просто забыл».

В довлатовской «Зоне» все совершенно по-другому, и именно этим отличием и обусловлено, на наш взгляд, столь частое употребление Довлатовым слов «непонятный», «странный», с одной стороны, и употребление Солженицыным и Шаламовым слов «ясный», «понятный» – с другой. Ср.:

У Довлатова:

*Она шепотом произносит непонятные Алиханову индонезийские слова
Медаль была украшена четырьмя непонятными словами, фигурой и восклицательным знаком.*

Он вдруг странно преобразился.

На губах вождя революции застыла странная мечтательная улыбка...

У Солженицына:

– По подъему не встал? Пошли в комендатуру, – пояснил Татарин лениво, потому что и ему, и Шухову, и всем было понятно, за что кондей.

Шухову было, конечно, сразу понятно, что это – не работа, а по левой, но ему до того не было дела.

У Шаламова:

Слезы часты, они понятны всем, и над плачущими не смеются.

Говорить было не о чем, да и думать было не о чем – всё было ясно и просто.

Он соберет нас в побег и сдаст — это совершенно ясно.

У Довлатова, как мы уже отметили, подчеркивается абсурдность мира («Мне казалось, что в этом беспорядке прослеживается общий художественный сюжет. Там действует один лирический герой. Соблюдено некоторое единство места и времени. Декларируется в общем-то единственная банальная идея – что мир абсурден...»), следовательно, мир в зоне и за ее пределами не всегда понятен, ясен и предсказуем:

Вместо желаемой гармонии на земле царят хаос и беспорядок.

Более того, нечто подобное мы обнаружили в собственной душе. Мы жаждем совершенства, а вокруг торжествует пошлость.

У Солженицына же и Шаламова в лагере все ясно и понятно, здесь свои законы, которые известны всем лагерным обитателям. Однако тут нам следует оговориться.

И Солженицын, и Шаламов сравнивают жизнь на воле и в лагере. У Солженицына лагерники торопятся в барак, который они называют «домом». Как отмечает Р. А. Соколова, «герои Солженицына не думают о свободе, они и в заключении, и на воле всегда будут свободны, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Их задача не в том, чтобы стать вольными, а в том, чтобы и в бесчеловечных условиях остаться людьми»¹⁵.

Образ лагеря у Шаламова – образ абсолютного зла, при этом лагерный ад мироподобен: в его устройстве, социальном и духовном, нет ничего чего не было бы на воле¹⁶. Ср.: *И тут бывают дни лучше и дни хуже, дни безнадежности сменяются днями надежды.*

Но несмотря на то, что оба писателя находят какие-то общие черты жизни в лагере и на воле, тем не менее, не настолько, чтобы читателю было все понятно и знакомо. Все эти «ясный», «понятный» – для обитателей лагеря, но не для тех, кто на воле. И потому у обоих авторов в тексте так много уточнений и объяснений.

Про Севочку говорили, что он «превосходно исполняет» – то есть показывает умение и ловкость шулера (Шаламов).

Он выполняет «процент», то есть исполняет свой главный долг перед государством и обществом, а потому всеми уважается (Шаламов).

Врач мог дать отдых от работы, мог направить в больницу и даже «сактировать», то есть составить акт об инвалидности, и тогда заключенный подлежал вывозу на материк (Шаламов).

Авторы понимают, что читатель без всех этих уточнений и объяснений не разберется. Очень часто они поясняют: «поэтому», «потому».

Поэтому и так делают, что палочек наломают, напилят покороче, да

¹⁵ Соколова Р. А. Лагерная тема А. Солженицына и М. Пришвина // «Известия Саратовского университета». Филология, журналистика. 2014, т. 14, вып. 2, с. 91.

¹⁶ См. Сафронov А. В. Указ. соч. // <http://cyberleninka.ru/article/n/posle-arhipelagapoetika-lagernoy-prozy-kontsa-hh-veka>

суют их себе под бушлат. Так прораба и минуют (Солженицын).

Напиток крайне горек, пьют его глотками и закусывают соленой рыбой. Он снимает сон и **потому** в почете у блатных и у северных шоферов в дальних рейсах (Шаламов).

И я понял самое главное, что человек стал человеком не потому, что он божье создание, и не потому, что у него удивительный большой палец на каждой руке. А **потому**, что был он {физически} крепче, выносливее всех животных, а позднее потому, что заставил свое духовное начало успешно служить началу физическому (Шаламов).

Особенно частотны уточняющие конструкции, в которых использованы скобки:

«Кант» – это широко распространенный лагерный термин. Обозначает он что-то вроде временного отдыха, не то что полный отдых (в таком случае говорят: он «припухает», «припух» на сегодня), а такую работу, при которой человек не выбивается из сил, легкую временную работу (Шаламов).

Татарина не было, а надзирателей сбилось четверо, они покинули шашки и сон и спорили, по скольку им дадут в январе пшена (в поселке с продуктами было плохо, и надзирателям, хоть карточки давно кончились, продавали кой-какие продукты отдельно от поселковых, со скидкой) (Солженицын).

Еще положено, чтоб ели, не выходя со столовой: миски тоже из лагеря носить приходится (на объекте не оставишь, ночью вольные сопрут), так носят их полсотни, не больше, а тут моют да оборачивают побыстрей (носчику мисок - тоже порция сверху)... (Солженицын)

Таких конструкций особенно много у Солженицына – 89 (у Шаламова – 36), не говоря уже о том, что в конце рассказа «Один день Ивана Денисовича» прилагается и краткий словарь: «Некоторые тюремные и лагерные выражения».

У Довлатова же объяснений и уточнений нет, но не потому, что в них нет нужды, а потому, что ему трудно объяснить необъяснимое, происходящее как на зоне, так и на воле. Что характерно, конструкции со скобками и словами «конечно», «потому», «поэтому» употребляются Довлатовым лишь в переписке с издателем, что обусловлено желанием писателя все ему объяснить в целях положительного решения вопроса об издании повести.

Внезапно коварный зек оглушил меня рукояткой пистолета. (Как вы догадываетесь – моего собственного пистолета.) Затем он выпрыгнул на ходу и бежал.

Обидно думать, что вся эта мерзость – порождение свободы. **Потому что** свобода одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему. Под ее лучами одинаково быстро расцветают и гладиолусы, и марихуана...

Разумеется, зло не может осуществляться в качестве идейного принципа. Природа добра более тяготеет к широковещательной огласке. Тем не

менее в обоих случаях действуют произвольные факторы.

Поэтому меня смешит любая категорическая нравственная установка. Человек добр!.. Человек подл!.. Человек человеку — друг, товарищ и брат...

«Сергей Довлатов просто и легко говорит как бы с двумя слушателями: вначале это издатель, а затем читатель, причем читатель полноправно присутствует при разговоре писателя с издателем, а затем остается с автором один на один»¹⁷.

Отметим, что объяснения уместны лишь в разговоре с издателем, во всех остальных ситуациях – все непонятно, как и сама жизнь. Потому столь часто и употребляются предложения со словами, выражающими значение сомнения, неуверенности: «видимо», «по-видимому», «может быть», «кажется».

Мне кажется, еще не все потеряно...

– *Мне кажется, разум есть осмысленная форма проявления чувства. Вы не согласны?*

Видимо, их разрушало бесконечное однообразие лагерных дней. Они не хотели менять привычки и восстанавливать утраченные связи.

У Солженицына и Шаламова, напротив, чаще встречаются вводные слова со значением уверенности:

Старый был, конечно, опытен и легко бы нашел, если б захотел, но потому что он был старый, ему должна была служба его надоесть хуже серы горючей (Солженицын).

Он спал, конечно, на верхних нарах – внизу был ледяной погреб, и те, чьи места были внизу, половину ночи простаивали у печки, обнимая ее по очереди руками, – печка была чуть теплая (Шаламов).

Что касается ногтей, то цветная полировка их, бесспорно, вошла бы в быт преступного мира, если б можно было в тюремных условиях завести лак. Холеный желтый ноготь поблескивал, как драгоценный камень (Шаламов).

Что примечательно, у Довлатова эти слова встречаются только в отрицательном, негативном контексте:

Конечно, счастья нет. Покоя тоже нет. К тому же я слабовольный.

А у меня в каждом СМУ — законная жена... Конечно, я не говорю...

Неприятно, конечно...

Разумеется, все это чушь...

На наш взгляд, это обусловлено тем, что в довлатовской «Зоне» нет уверенности ни в чем: все зависит от обстоятельств, которые невозможно предугадать, а потому:

Не важно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает.

¹⁷ Миркурбанов Н. М. К вопросу о жанровой специфике повести С. Довлатова «Зона» // «Вестник Северного (Арктического) федерального университета». Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2006, № 1, с. 86.

Во всех произведениях весьма частотны употребления риторических вопросов. Безусловно, сама тематика этих рассказов обуславливает их наличие. Однако и тут наблюдаются разные функции и значения. Если у Довлатова и Шаламова вопросы, как и «подобает» риторическим, употребляются без каких-либо объяснений («А где этот мир, полный ненависти и страха? Он-то куда подевался? И в чем причина моей тоски и стыда?..»; «Тут и я чуть не заплакал. Я представил себе, что мы одни на земле. Кто же нас полюбит? Кто же о нас позаботится?..» (Довлатов), «Что было с людьми, поднявшими цитату о труде на ворота лагерных зон всего Советского Союза?..»; «“Надо будет дать сотню конвоирам, – подумал он, – за хранение”. Впрочем, за что давать? За то, что они его избивали?» (Шаламов), то Солженицын очень часто дает ответы, тем самым лишая вопросы статуса риторических:

Утром что искать у зека? Ножи? Так их не из лагеря носят, а в лагерь.

Кто арестанту главный враг? Другой арестант.

Надзирателю, бригадиру, – а придурку посыльному как не дать? Да он другой раз твою посылку так затурсует, ее неделю в списках не будет.

Таким образом, даже используя такой стилистический прием, как риторический вопрос, Солженицын предпочитает не только усилить эффект, еще больше привлечь внимание читателя, но и самому дать ответ, прояснить, объяснить. В связи с этим желанием писателя все объяснить, донести до читателя, вспоминаются слова Л. Лунгиной о Солженицыне: «Он не говорил – он проповедовал»¹⁸.

В противовес этому у Довлатова в тексте часто встречаются как раз не объяснения и уточнения, а средства выражения категории умолчания, в частности многоточия.

И тут произошло чудо. Это признавали все. И карманник Чалый. И потомственный «скокарь» Мурашка. И расхититель государственной собственности Лейбович. И кукольник Адам. И даже фарцовщик Белуга. А этих людей трудно было чем-нибудь удивить... (Довлатов)

Как отмечает Е. В. Кузнецова, «Сергей Довлатов использует многоточие как сигнал того, что автор размышляет над данной ситуацией и призывает читателя также поразмышлять вместе с ним. В таких случаях нет обрыва предложения, оно по своей структуре завершено. Многоточие указывает на чувства замешательства и удивления, которые испытывает повествователь»¹⁹.

Алиханов был хорошим надзирателем. И это все же лучше, чем быть плохим надзирателем. Хуже плохого надзирателя только зеки в ШИЗО...

В подобных контекстах автор не дает разъяснения ситуации, но, используя многоточие как знак недоговоренности, нежелания высказать мысль до

¹⁸ Дорман О. В. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2010, с. 272.

¹⁹ Кузнецова Е. В. Стилистические функции многоточия в усеченных конструкциях (на материале произведений С. Довлатова) // «Вестник Южно-Уральского гос. университета». Лингвистика. Челябинск, 2011, № 22 (239), с. 108.

конца, Довлатов заставляет читателя задуматься над смыслом этой фразы²⁰. Ср.:

Ночная смена дважды отвязывала ключи и воровала продукты. Даже мука была съедена...

Я сам был очень здоровым человеком. Мне ли не знать, что такое душевная слабость...

Надзиратели ходят только вдвоем. Недаром капитан Прищепца говорит: «Двое — это больше, чем Ты и Я. Двое — это МЫ...»

Довлатов использует многоточие в качестве умолчания, однако отметим, что в других его произведениях, например, в повестях, посвященных жизни в эмиграции, мы имеем дело с иного рода недосказанностью и неопределенностью. Как мы писали, «можно утверждать, что в эмигрантских повестях С. Довлатова преобладает общая неопределенность. Что же касается ее частных проявлений, то здесь правильнее говорить не о неопределенности, а о незначительности происходящего и отсутствии нужды в определенности, поскольку семантическое наполнение понятия «эмиграция» остается неопределенным. Автор как бы подчеркивает, что не нужно конкретизировать частное, так как общее явление – эмиграция – остается до конца невыявленным»²¹. В «Зоне» также преобладает понятие неопределенности, неясности, невыявленности тех или иных явлений для автора и читателя. Но здесь есть важное отличие: автор умалчивает, недоговаривает не потому, что это излишне, нерелевантно, а наоборот – склоняет читателя самому задуматься о жизни в зоне и на воле, о жизни вообще, подумать и додумать. Многоточие у Довлатова функционально значимо, оно обращает внимание читателя на то или иное явление. Между тем как у Солженицына и Шаламова, хотя имеются и подобные употребления («Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось...» (Солженицын); «Дугаев хорошо помнил северную поговорку, три арестантские заповеди: не верь, не бойся и не проси...» (Шаламов)), тем не менее, преобладают конструкции с многоточием в качестве недоговоренности, обусловленной прерыванием разговора кем-то другим, а не в качестве намеренной недосказанности автора. Ср.:

– Вот слушай лучше. У нас в поломенской церкви поп...

– О попе твоём – не надо! – Алешка просит, даже лоб от боли переказился (Солженицын).

Но, еще не доходя вахты...

– Стой! – кричит полначкар. И, отдав автомат свой солдату, подбегает к колонне близко (им с автоматом не велят близко). – Все, кто справа стоят и дрова в руках, – брось дрова направо! (Солженицын)

Бурки – это чересчур шикарно... Это не подобает. Притом...

²⁰ См. там же, с. 109.

²¹ Газарова Д. Ю. Категория определенности/неопределенности в повестях Сергея Довлатова // «Вестник Ереванского университета». Русская филология. Ер., 2015, № 2, с. 57.

– *Слышь ты... – Чья-то рука тронула мое плечо* (Шаламов).

В лагерном пространстве Солженицына и Шаламова настолько все, повторимся, предопределено и ясно, что здесь преобладают употребления многоточия в ретроспективной функции, ведь оба автора документализируют произошедшее в лагерях: один (Солженицын) – написал прозу документа, второй (Шаламов) – «прозу, выстраданную как документ»²². Ср.:

Крест обычно был гладким, но если случались художники, их заставляли иглой расписывать по кресту узоры на любимые темы: сердце, карта, крест, обнаженная женщина... (Шаламов)

Шлеп раствор! Шлеп шлакоблок! Притиснули. Проверили. Раствор. Шлакоблок. Раствор. Шлакоблок... (Солженицын)

В «Зоне» также используется многоточие в ретроспективной функции:

Школьники хватают Вову, держат его за плечи... Суют его голову в потемневший мешок... Мальчик уже не вырывается. В сущности, это не больно...

За окнами расстился морозный день. Пейзаж в оконной раме...

Сухое чистое белье... Мягкие шлепанцы, застиранный теплый халат... Веселая музыка из репродуктора... Клиническая прямота и откровенность быта.

Однако есть функция, в которой многоточие употреблено лишь в «Зоне»: в роли усиления иронии и указания на неоднозначность, парадоксальность высказывания персонажа:

Эти девичьи брели по утрам вдоль ограды, игнорируя наши солдатские шутки. Причем глаза их, казалось, были обращены внутрь...

— *Ваша жена может приехать, — сказала Рая, — она такая интересная дама. Я видела фотку...*

И в наступившей сразу тишине произнес, легко отводя рукой дуло автомата:

— *Ты загорелся? Я тебя потушу...*

В таких ситуациях автор подчеркивает и усиливает парадоксальность высказывания, персонажа, ситуации в целом.

В довлатовском «аду» неопределенности и неясности больше, и потому здесь чаще встречаются употребления многоточия в функции умолчания, многоточие выступает в роли так называемого стимула к размышлению и в функции усиления иронии. Употребление многоточия в последней функции характерно именно для «Зоны»: как и в самой жизни, в зоне Довлатова есть место юмору и иронии. И в этом скорей всего и заключается главный жизненный парадокс: несмотря на все превратности и тяготы судьбы, в жизни всегда найдется место юмору. «Юмор – украшение нации... Пока мы способны шутить, мы остаемся великим народом!» – писал Довлатов. Как тонко заметил В.Хаит, «юмор помогает не столько жить, сколько выжить»²³.

²² Шаламов В. Т. Указ. соч., с. 18.

²³ Хаит В. И. Юмор падает с неба // «Октябрь», 2011, № 2 // <http://magazines.russ.ru/october/2011/2/ha11.html>

Что же касается рассматриваемых произведений Солженицына и Шаламова, то в них нет подобного употребления многоочия – в роли усиления иронии, комического эффекта, ибо в их «аду» нет места иронии. Конечно же, тематика этих произведений не предполагает юмора и уж тем более комизма и иронии. Однако (в литературоведении это неоднократно отмечалось), в отличие от шаламовских рассказов, где показано, как система ломает человека и не оставляет ничего человеческого («Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута»), солженицынские тексты предполагают просвет: сильный духом человек побеждает систему. Примечательно, что в рассказе Солженицына, несмотря на то, что это был «день, ничем не омраченный, почти счастливый», тем не менее, нет места смеху и улыбке. Довлатовский же текст (очередной парадокс!) – несмотря на обилие в тексте слов с отрицательным, негативным наполнением («Какие, однако, гнусные физиономии!»; «Кругом происходили жуткие вещи. Люди превращались в зверей»; «Окружающий мир был знаком и противен»; «Как известно, мир несовершенен. Устоями общества являются корыстолюбие, страх и продажность»; «По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир» и т.д.), все же вызывает моментами не только улыбку, но и смех.

Как справедливо отмечает И. Н. Сухих, у Довлатова не гоголевский «смех сквозь слезы», а слезы «вдруг прорастают сквозь смех»²⁴. И далее: если «колючая проволока разделяет людей, то «смех и песня - объединяют»²⁵. Думается, что эта способность к иронии – одна из самых главных отличительных особенностей довлатовской зоны, не говоря уже о его творчестве в целом.

Это объединяющее начало, единение заключенных и надзирателей проявляется у Довлатова и в столь частом употреблении глаголов в форме I лица мн. числа, в значении обобщения. Довлатов, вслед за Солженицыным и Шаламовым, считает, что лагерь (зона) и воля похожи. Однако если у Солженицына и Шаламова это лишь одиночные, случайно оброненные фразы в тексте («И где ему будет житуха лучше – тут ли, там – неведомо» [Солженицын], «И тут бывают дни лучше и дни хуже, дни безнадежности сменяются днями надежды» [Шаламов]), то Довлатов постоянно отмечает это, не видя разницы между волей и зоной, потому как:

Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы. Повторяю – это главное в лагерной жизни. Остальное – менее существенно;

Одни и те же люди выказывают равную способность к злодеянию и добродетели. Какого-нибудь рецидивиста я легко мог представить себе героем войны, диссидентом, защитником угнетенных. И наоборот, герои войны с удивительной легкостью растворялись в лагерной массе;

— Разве у тебя внутри не сидит грабитель и аферист? Разве ты мысленно не убил, не ограбил? Или, как минимум, не изнасиловал?

²⁴ Сухих И. Н. Указ. соч., с. 115.

²⁵ Там же, с. 117.

Именно поэтому в «Зоне» так часто встречаются формы I лица мн. числа: здесь надзиратель не только не противопоставляет себя заключенным, но и чувствует единение с ними. Ср.:

— *Ох и напьемся... Это будет посильнее, чем »Фауст» Гете...*

— *Мы еще полетим, — крикнул он, — мы еще завинтим штопор!*

Мы еще плюнем кому-то на шляпу с высоты!

И вообще, тормознуться пора. Со Дня Конституции не просыхаем.

— *Идем. Покурим, выпьем. Бардаки я и сам не люблю.*

Солженицын же и Шаламов отдают предпочтение конструкциям с обобщенным значением в форме II лица ед. числа.

Не знаешь, когда донесёшь, когда отымут.

А и переобуться не во что, хоть и в барак побегу (Солженицын).

Бывало и такое: разведешь с утра костер пожарче, чтобы в обед было где согреть ноги и руки, заложишь побольше дров и уходишь на работу (Шаламов).

Меньше полноремы сделаешь — штрафной паек: триста граммов и баланда один раз в день. (Ш.).

В таких случаях мы имеем дело с обобщением. «Как правило, говорящий обобщает свой личный опыт, распространяет его на всех и каждого, кто окажется в подобной ситуации. В таких определенно-личных предложениях происходит своеобразное «уподобление» других, всех возможных «деятелей» лицу речи, прежде всего самому говорящему. А для того, чтобы легче «перекинуть мостик» от своих переживаний, говорящий использует форму 2-го лица, а не 1-го»²⁶. Э. Н. Осипова выделяет две степени обобщения в подобных конструкциях: первая – действие лица речи (говорящего или собеседника) может обобщаться, распространяясь на любого и каждого в подобной ситуации, вторая – действие обобщается только для самого говорящего²⁷. Отметим, что у Солженицына и Шаламова встречаются употребления определенно-личных предложений именно со второй степенью обобщения, смысл которого в том, что данное действие всегда в определенных условиях свойственно прежде всего самому говорящему. Говорящий обобщает свои переживания, действия, подчеркивает их типичность прежде всего для себя самого. Он квалифицирует свое действие не как единичное, а неоднократно повторяющееся для него, т.е. обобщенное только по отношению к самому себе:

...а главное — если в миске что осталось, не удержишься, начнешь миски лизать (Солженицын).

Буйновского не посадишь с миской сидеть, а и Шухов не всякую работу возьмет, есть пониже (Солженицын).

И костра не разведешь — чем топить? Вкалывай на совесть — одно спасение (Солженицын).

²⁶ Осипова Э. Н. Русский синтаксис: односоставность предложения. Архангельск, 2009, с. 19.

²⁷ Осипова Э. Н. Указ. соч, с. 20.

После этого **теряешь** представление о времени, подсознательно следя только за тем, чтобы не замерзнуть: **топчешься, машешь** лопатой, не думая вовсе ни о чем, ни на что не надеясь (Шаламов).

Таким образом, несмотря на то, что в этих произведениях авторы представили обобщенный образ политических заключенных, тем не менее, они описывают повторяемость, типичность своих действий (в данном случае – конкретных героев). У Довлатова же встречаются конструкции и с другой разновидностью обобщения, «когда говорящий распространяет свое действие на любое лицо, уже оказавшееся с ним в одной группе или потенциально могущее оказаться в подобных условиях»²⁸:

В лагере не клянутся родными и близкими. Тут не услышишь божбы и многословных восточных заверений. Тут говорят: — Клянись свободой!..

*— Смена, подъем! И снова — шесть часов на ветру. Если бы вы знали, друзья, что это такое!.. За эти часы ты **припомнишь** всю свою жизнь. **Простишь** все обиды. **Объездишь** весь мир. Ты будешь иметь сотни женицин.*

*...К утру всегда настроение портится. Особенно если **спишь** на холодных досках. Да еще связанный телефонным проводом.*

В употреблении этих форм мы видим подтверждение той мысли, что в аду Довлатова все равны, ведь: *Я не сулил читателям эффектных зрелищ. Мне хотелось подвести их к зеркалу.*

Итак, рассмотрев с семантико-прагматической точки зрения «лагерную» прозу Солженицына, Шаламова и Довлатова, мы увидели, что, хотя в литературоведческой традиции и принято противопоставлять солженицынское и шаламовское изображение лагеря, семантико-прагматический анализ их текстов показывает, что во многом их позиции совпадают. Да, они по-разному воспринимают лагерный ад: у Солженицына выживает сильнейший, лагерь закаляет человека, выявляет его лучшие качества, которые позволяют ему выжить в этом аду; Шаламов придерживается иного мнения:

Убежден, что лагерь – весь – отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя – это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать²⁹.

Семантико-прагматический анализ показывает, однако, что у Солженицына и Шаламова много общего: лагерь – это ад, в котором все предопределено, ясно, предсказуемо, законы «ада» известны всем и т.д. Этим обусловлено столь частое употребление глаголов «знать», «понять», вводных слов со значением уверенности. Между тем как Довлатов, следуя, конечно, традициям своих предшественников, тем не менее, не считает лагерь отрицательным опытом (в отличие от Шаламова), но и не считает, что тут проявляются благородные чувства настоящего человека (в отличие от Солженицына).

Вслед за Солженицыным Довлатов отмечал, что именно тюрьма сделала

²⁸ Там же, с. 67.

²⁹ Шаламов В. Н. Что я увидел и понял в лагере // <http://shalamov.ru/library/29/>

его писателем. Как вспоминал Иосиф Бродский, из зоны Довлатов вернулся «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде»³⁰. Тюрьма открыла ему жизнь:

Я был ошеломлен глубиной и разнообразием жизни. Я увидел, как низко может пасть человек. И как высоко он способен парить. Впервые я понял, что такое свобода, жестокость, насилие. Я увидел свободу за решеткой. Жестокость, бессмысленную, как поэзия. Насилие, обыденное, как сырость.

Я увидел человека, полностью низведенного до животного состояния. Я увидел, чему он способен радоваться. И мне кажется, я прозрел.

Однако он расходится с Солженицыным в главном: «ад – это мы сами». «Зона или везде, или нигде – вот вывод, который Довлатов привез из лагерной охраны»³¹.

Довлатов считает, что в лагере могут проявиться как отрицательные, так и благородные чувства человека, все зависит от обстоятельств, но в какую сторону изменится человек – предугадать невозможно:

В критических обстоятельствах люди меняются. Меняются к лучшему и к худшему. От лучшего к худшему и наоборот.

Довлатов, как и Шаламов, полагает, что пасть может любой человек: и заключенный, и надзиратель, но вопрос усугубляется тем, что Довлатову хотелось написать «не о тюрьме и зеках», а «о жизни и людях» («Зона»), что он и сделал. В зоне Довлатова грань между заключенными и надзирателями постоянно стирается:

— Але, начальник! Кто из нас в тюрьме? Ты или я?!

Я отпустил его и зашагал прочь. Я начинал о чем-то догадываться. Вернее — ощущать, что этот последний законник усть-вымского лагпункта — мой двойник. Что рецидивист Купцов (он же — Шаликов, Рожин, Алямов) мне дорог и необходим. Что он — дорожке солдатского товарищества, поглотившего жалкие крохи моего идеализма. Что мы — одно. Потому что так ненавидеть можно одного себя.

Как отмечает в своей книге А. Генис, «Сергей не мог принять приговор Шаламова тюрьме, ибо именно в зоне он понял, что в мире нет ничего черно-белого. Даже шахматы Сергей ненавидел»³².

Попытка разобраться в жизни, в собственной душе и обусловила, как нам кажется, столь частое употребление Довлатовым слов со значением неуверенности («видимо», «может быть», «кажется»), риторических вопросов и многоточий. Отражение этого различного отношения Солженицына, Шаламова и Довлатова к лагерному «аду» лежит в покое языка их произведений, что мы и попытались показать.

³⁰ Бродский И. А. О Серее Довлатове // <http://www.sergeidovlatov.com/books/brodsky.html>

³¹ Генис А. А. Довлатов и окрестности. М., 2011, с. 64.

³² Генис А. А. Указ. соч., с. 66.

Ключевые слова: «лагерная проза», особенности лексики, односоставные предложения, многоточие, риторический вопрос, вводные слова

ԴԻԱՆԱ ԳԱԶԱՐՈՎԱ – Դժոխքը դժոխքից տարբեր է, կամ Ա. Սոլժենիցինի, Վ. Շալամովի ու Ս. Դովլատովի «ճամբարային արձակի» իմաստային և գործարանական առանձնահատկություններ – Հոդվածում տրվում է «ճամբարային արձակ» հասկացության բնութագիրը, նշվում են դրա առանձնահատկությունները երեք հեղինակների ստեղծագործությունների հիման վրա: Երեք հեղինակներն էլ ճամբարը դիտում են որպես դժոխք, սակայն նրանց պատմվածքների իմաստային և գործարանական վերլուծությունը ի հայտ է բերում էսպես տարբեր վերաբերմունք ճամբարային փորձի հանդեպ:

Բանալի բառեր – «ճամբարային արձակ», բառապաշարի առանձնահատկությունները, միակազմ նախադասություններ, բազմակետ, հոետորական հարց, միջանկյալ բառեր

DIANA GAZAROVA – *There is hell, and then there is hell, or semantic and pragmatic analysis of A. Solzhenitsin's, V. Shalamov's and S. Dovlatov's «camp prose».* – The article provides the characteristics of the notion «camp prose», points out its features in works of these three authors. All of three authors consider camp as hell, at the same time the semantic and pragmatic analysis of their works reveals their different attitude to the camp experience.

Key words: «camp prose», lexical peculiarities, one-member sentences, ellipsis, rhetorical question, parenthetical words